

I

1. Вводное авторское слово в разбираемом рассказе Шукшина имеет вспомогательный, поясняющий характер. Основная его функция — представить героя читателю, сообщить о его главной особенности, которая определяет композиционную структуру всего дальнейшего повествования:

...с ним постоянно что-нибудь случалось.

Вот эпизоды одной его поездки.

2. Служебный характер функции вводного авторского слова подчёркивается лаконичностью: в рассматриваемом отрывке преобладают простые и бессоюзные сложносочинённые предложения.

В одном из изданий произведений Шукшина (в сборнике «Земляки») вводное авторское слово набрано курсивом, что графически подчёркивает его позиционную обособленность в структуре художественного произведения, приближает его роль к функции ремарки.

II

Несмотря на свою лаконичность, служебность, авторское слово в рассматриваемом рассказе играет важную роль.

а) Оно осуществляет скрепление отдельных композиционных элементов структуры.

Такъв переход к диалогу:

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

В авторском комментарии к диалогу содержится, кроме того, прямая характеристика героя (*Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось*), описание его внешности (*круглые иссиня-белые глаза*).

б) Основу же прозы Шукшина составляет диалог, и, как в драматургии, действующие лица в ней, в основном, создаются «речевым языком», а не описательным¹.

В рассматриваемом диалоге, который воспроизводит шутиливую перепалку Чудика с женой, ясно проявляется характер героя: его простодушная весёлость, стремление доставить удовольствие людям безыскусной шуткой, показать себя с лучшей стороны.

В речи деревенского киномеханика Чудика, который, ввиду особенностей своей профессии, тесно связан с городом, комично переплетаются элементы народного говора (например, употребление частицы *ну* в значении *да*: *На битюря похажая? — Ну. Щучья.*), стереотипы городской разговорной речи (*а этой, видите ли, нету*), а также явлений искажённой книжной речи: — *А где блесна такая... на подвид битюря?*

«Подвид» — в систематике подразделение внутри одного вида².

Чудик употребляет слово *подвид*, характерное для научного стиля речи, в чуждой этому слову бытовой ситуации общения и, кроме того, неправильно, в значении *наподобие, на вид похожий на...*

в) Речь героя, представляющая собою типичное явление полукультуры, окрашена тёплым авторским юмором.

¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, с. 595.

² С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1981, с. 471.

III

Некритическое употребление некоторых штампов городской разговорной речи, слов и «словечек», к тому же неправильно понятых, и придаёт речи деревенских тружеников — любимых героев Шукшина — юмористическую окраску.

Характерный для городского просторечья глагол *прошвырнуться* (*пройтись, прогуляться*), который небрежно бросает Чудик, идя по деревенской улице, звучит комично, так как не может передать намерения Чудика навестить брата на далёком Урале, куда ему предстоит добираться сначала на поезде, а потом на самолёте

IV

1. По своей тональности эпизод распадается как бы на две части.

В первой его части юмористически изображается поведение Чудика в продовольственном магазине, когда он *легко и весело*, как ему кажется, шутит над «неким» неизвестным, обронившим пятидесятирублёвую бумажку:

Во второй части эпизода содержится сочувственное изображение трагикомических переживаний Чудика.

2. Комическое несоответствие речи героя и его поступков окрашивает юмором первую часть эпизода.

а) Стремясь как можно больше походить на непринуждённого в общении городского жителя, Чудик злоупотребляет штампами городской разговорной речи.

Особой выразительностью в этом плане обладает так называемая несобственно-прямая речь, в которой автор как бы непосредственно передаёт мысли героя, его восприятие окружающего.

...впередё шлёпы — *полная женщина с крашеными губами* (метонимия, характерная для городской разговорной речи: «обозначение лица по предмету одежды»¹).

¹ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 432.

...пятидесятирублёвая бумажка. Этакая зелёная дурочка... (Здесь *бумажка* — бумажные деньги. Метонимия, характерная для городской разговорной речи: «обозначение предмета по материалу, из которого он сделан»¹).

...как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку (этим, в очереди — типичная для разговорной речи конструкция: «местоимение + лексический конкретизатор»²).

Подстать этой внутренней речи и произнесённое вслух Чудиком высказывание:

— *Хорошо живёте, граждане!* — *сказал он громко и весело.*

...— У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Для структуры диалога в рассматриваемом рассказе Шукшина характерно дублирование внутренней речи и произносимого высказывания.

Только что процитированные слова герой тут же ещё раз проговаривает про себя, как бы вновь осмысляя их: *Всё думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются.»*

Проговаривая про себя ещё раз эти устно-разговорные стереотипы, Чудик как бы вторично испытывает удовлетворение своей находчивостью, своим истинно «городским» остроумием.

б) Вместе с тем речь героя в этот момент комически противопоставлена его поведению, в котором ярко проявляются неловкость, неуклюжесть деревенского жителя, впервые отправившегося в дальнюю дорогу.

Чудик, например, почему-то пошёл в продовольственный магазин с чемоданом, а не оставил его в каме-

¹ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 432.

² Там же, с. 270.

ре хранения на вокзале. Затем тут же, в магазине, *раскрыл чемодан на полу* (?), решив уложить в него только что сделанные покупки: конфеты, пряники. Не мудрено, что при этом он обронил деньги. Но увидев на полу 50 рублей, Чудик, вместо естественного желания проверить содержимое своих карманов, обрадовался возможности пошутить...

3. Тональность эпизода несколько меняется в тот момент, когда Чудик начинает осознавать всю нелепость своего поведения.

С этого момента изображение переживаний героя приобретает трагикомический характер, авторский юмор проявляется в более мягких, сочувственных оттенках.

Меняется строй речи героя, ясно обозначаются в ней диалектные черты.

Чем глубже и безудержнее огорчение героя, тем ярственнее обозначаются в его высказываниях элементы диалекта.

В несобственно-прямой речи деньги названы *пятидесятирублевой бумажкой*. Затем, проговаривая эти же мысли вслух, Чудик употребляет диалектную форму — *полусотельная бумажка*.

И наконец, в горьком рассуждении вслух: *Да почему же я такой есть-то?* — диалектные черты выражены на синтаксическом уровне (ненормативное употребление глагола *быть* в настоящем времени — *есть*).

Следует ещё раз обратить внимание на структуру рассматриваемого диалога. Дублирование несобственно-прямой и прямой речи в нём способствует уточнению и акцентизации речевой характеристики персонажа.

V

1. Действительно, «интеллигентному товарищу» не трудно было разоблачить наивную фальсификацию Чудика, потому что в рассказе в качестве реального жизненного эпизода изложен один из вариантов известного фольклорного сюжета о силе материнской любви.

2. Безусловно, юмористическую окрашенность придаёт рассказу Чудика неумелая попытка говорить «интеллигентно», в частности неуместная фраза: *Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...*, где *бестактным* назван человек, который чуть было не убил мать!

(Ср.: Бестактный хозяин дома напомнил гостям, что уже поздно. «Бестактный» — лишённый такта, чуткости, чувства приличия).¹

VI

В рассматриваемых диалогах перед читателем ещё раз раскрывается характер главного героя: его доброжелательное, сердечное отношение к людям, бесхитростность, стремление быть полезным окружающим.

1. Ему противопоставлен высокомерный, самодовольный персонаж — некий «лысый читатель».

Чудик заботливо напоминает соседу, что *велят ремён застегнуть*, ищет вылетевшую у этого бывшего путешественника во время неудачной посадки самолёта искусственную челюсть. (*Эта? — радостно воскликнул он и подал читателю.*)

Бесхитростность, ясность восприятия мира мешает Чудика проникнуть в скрытый смысл сомнительных острот самодовольного соседа.

— Дети — цветы жизни, их надо сажать головками вниз...

— Как это? — не понял Чудик.

(Пошлый смысл остроты основан на синонимичном употреблении слов *головка* и *луковица*. Луковичные растения, естественно, сажают головками вниз. Но детей таким образом можно только убить.)

В простодушии Чудика вместе с тем автор подчёркивает почти детское здравомыслие.

¹ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1981, с. 45.

— Почему надо обязательно руками хватать!

— А чем же?..

2. В опоре на слово героя проявляется своеобразие творческой манеры писателя, его стремление избежать декларативности.

Вместе с тем за словом героя у Шукшина как у истинного художника ясно просвечивает вполне определённая идейно-эстетическая концепция.

Изображение, например, «лысого читателя» в данном эпизоде не допускает разночтения.

Отрицательное отношение автора к этому персонажу выражено прежде всего в речевой характеристике (достаточно вспомнить его прошлое остроумие: *Дети — цветы жизни, их надо сажать головками вниз*), в описании его внешнего облика (*лысый, искусственная челюсть, говорит шепеляво*), в изображении его движений (*не стал говорить, сорвался с места, боднул лысой головой, приложился к иллюминатору, искал искусственную челюсть, лысина побагровела*).

VII

1. В рассматриваемом отрывке речь персонажей комически противопоставлена.

За двумя редакциями телеграммы — два полюсных характера.

Недостаточное знание героем одного из образцов обиходно-делового стиля речи, неумение или нежелание им пользоваться дают возможность писателю не только обозначить уровень культуры своего героя как полукультуры, но и раскрыть особенности его характера.

Чудик обращается к пошлым, давно ушедшим образцам обывательской альбомной переписки (*Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь*) не только потому, что не умеет составить телеграмму. Чудик ищет какой-либо необычайной словесной формы для выражения переполнивших его эмоций и прежде всего ввиду игривости своего характера.

2. Телеграфистка отправляет свой вариант телеграммы: «*Долетели*», «*Василий*». Эта редакция содержит также недвусмысленную речевую характеристику. И то, что телеграфистку не устраивает слово *приземлились* (*Вы что — космонавт, что ли?*), и то, что она вымарывает немаловажное в личной корреспонденции сообщение «*Всё в порядке*» как избыточное, — всё это обнаруживает её профессиональный педантизм, который так же вызывает улыбку, как и сомнительная образность сочинённого Чудиком послания.

VIII

1. Как и ранее, в последнем эпизоде Чудик проявляет замечательные качества души — весёлость, доброжелательность, желание сделать что-нибудь приятное людям (*Думал, что бы такое приятное сделать снокé*).

Решив расписать колясочку по мотивам народного творчества (*он дома так разрисовал печь*), Чудик весь проникся стилистикой народно-поэтического творчества. Таким образом, появление элементов народной поэтики в несобственно-прямой речи героя психологически мотивировано (параллельные синтаксические конструкции *по верху колясочки...*, *по низу...*; существительные с уменьшительными суффиксами *журавлики, стайка, цветочки, травка-муравка, петушки, цыплятки и т. д.*).

Комедийный эффект повествования достигается противопоставлением романтического характера помыслов и поступков героя и будничного восприятия человека, к которому помыслы обращены (в данном случае речь идёт о хозяйке дома — снокé Сófье Ива́новне).

2. В речи Сófьи Ива́новны нашёл отражение грубая властность её натуры.

В её речи встречаются грубые слова (*орать, дурак*), преобладают конструкции побудительных предложений выражающих приказ, принуждение, окрик (*А можно не орать? Чтоб завтра же... не было здесь...; Завтра же пусть уезжает...; Пусть не дожидается... и т. д.*).

1. Речь брата Дмитрия отражает замешательство, которое он испытывает, не решаясь укорять Чудика за разрисованную коляску и не смея задерживать его у себя дома, боясь гнева жены.

Поэтому неполные предложения, перебивы мысли, характерные для его речи, ситуативно обусловлены (*Вот... Это... опять расшумелась. Коляску-то... не надо бы уж*).

2. Чудик, глубоко огорченный конфликтом со снохой всеми своими помыслами, по-видимому, обратился к родной деревне.

Преобладание диалектизмов в его речи в конце рассказа психологически обусловлено (поглянется — понравится, братка — брат. Да почему же я такой есть-то?).